

Сидя на полу рядом с угольной печью, А Ци немного согрел свои замёрзшие руки. Собака спокойно лежала у него на коленях, не лая, словно понимала его. В комнате было удивительно уютно, и в полудрёме А Ци начал засыпать. Ему приснился юноша, который появился вдали, но его лицо было неразличимо. А Ци побежал к нему, и юноша медленно повернулся, улыбнувшись ему. Это был господин Лин. Приятный сон погрузил его в ещё более глубокий сон, но когда его разбудили, перед глазами оказалось большое лицо Чжао Минлана.

— Господин Чжао...

А Ци испугался, быстро встал, забыв о собаке на коленях. Малышка взвизгнула, упав на пол, и смотрела на А Ци жалобным взглядом.

— Ты тут устроился неплохо.

— В комнате слишком... слишком тепло, я задремал. — А Ци опустил руки по бокам, пальцы нервно теребили одежду, он был очень скован.

— Откуда эта собака?

— Подобрал в снегу.

Чжао Минлан больше не спрашивал, но взгляд Ань Жуна привлекла эта собака. Обычная дворняжка, ничем не примечательная, но на передней лапе была белая повязка, на которой виднелись следы крови. Собака явно была ранена. Затем он посмотрел на опущенную голову А Ци. Его расстёгнутая куртка открывала нижнюю одежду, от которой был оторван кусок. Всё было слишком очевидно.

— Выйди и подожди снаружи.

Голос Ань Жуна, чистый и мягкий, донёсся до А Ци, и тот послушно направился к двери.

— И возьми собаку с собой.

А Ци сделал несколько шагов назад, наклонился, взял собаку и тихо вышел.

— Когда пойдём к семье Шэнь?

Ань Жун сделал небольшой глоток чая.

— После ужина. Вечером людей меньше, не будет лишнего внимания.

— Тогда придётся идти к господину Шэнь. Госпожа Шэнь и мисс Шэнь — женщины, это неудобно.

— Ты, кажется, не в восторге.

Чжао Минлан притворился раздражённым и вздохнул:

— Эх, если бы пошли раньше, мог бы увидеть прекрасную мисс Шэнь. А теперь, вечером, придётся смотреть на мужчин.

Ань Жун усмехнулся и тихо добавил:

— Мисс Шэнь красива, и её брат, несомненно, тоже красавец. Брат Минлан, можешь

насладиться видом.

— Да ну, кто хочет смотреть на мужиков.

Когда стемнело, молодой монах в ватной одежде принёс ужин на троих. Когда дверь со скрипом открылась, Ань Жун увидел А Ци, сидящего на корточках у двери, с поджатой шеей. Его щёки и нос покраснели от холода. В сердце Ань Жуна мелькнула тень жалости, и он подошёл:

— Заходи.

А Ци, просидев слишком долго на холоде, оцепенел и не сразу понял, что Ань Жун обращается к нему. Он продолжал сидеть, сжавшись. Ань Жун, проявив терпение, повторил:

— Заходи.

Но человек у двери всё ещё не реагировал.

Ань Жун лёгонько пнул А Ци ногой. Тот поднял голову и сначала почувствовал лёгкий аромат сухих магнолий, исходящий от этого красивого человека. Затем тот мягко произнёс:

— Заходи поесть.

Эти слова звучали для А Ци особенно приятно и мелодично, как длинная песня. Страх, ужас и избегание, которые он испытывал к этому человеку, временно отошли на задний план. В памяти остался лишь его нежный голос.

А Ци взял собаку, лежащую у его ног, и занёс её в комнату. Чжао Минлан достал еду из коробки: три миски риса, тарелку с зеленью и тофу, и блюдо с жареной картошкой. Из-за холода и долгого пути еда из столовой уже немного остыла. Ань Жун взял палочки и съел несколько кусочков риса; Чжао Минлан поступил так же, быстро съев несколько ложек риса и пару кусочков тофу, после чего перестал есть.

А Ци дождался, пока они закончат, и только тогда сел за стол. Он жадно набросился на еду и вскоре опустошил миску риса. Желудок мог бы вместить ещё, и он немного колебался, прежде чем медленно потянуться к миске Ань Жуна, украдкой поглядывая на него. Видя, что тот не реагирует, он быстрее передвинул миску к себе и снова начал есть.

Уголок губ Ань Жуна слегка приподнялся, едва заметно. Возможно, он сам не осознавал, что происходит в его душе. Бессознательное разделение А Ци на «своих» и «чужих» вызвало у Ань Жуна лёгкое чувство удовлетворения. Этот человек принадлежал ему, и чужие миски он не трогал и не стал бы трогать.

Чжао Минлан удивился:

— Эта еда такая вкусная?

В тот момент А Ци набил рот едой и не мог ответить, поэтому лишь энергично кивнул, соглашаясь. Наконец, проглотив, он сказал:

— Редко ел рис... вкусно...

В его словах не было никакого смущения, словно он говорил о чём-то обыденном.

Хотя Ань Жун провёл четыре года в Дворе Вечной Весны, он мало знал о жизни слуг и служанок. Оказывается, за мишурой роскоши и разврата скрывалась горькая жизнь униженных. Шрам, выступающий на грубой шее А Ци, долго привлекал взгляд Ань Жун. Он опустил веки, ресницы, как веер, закрыли его глаза, скрывая лёгкие эмоции.

— Шрам на шее ещё болит?

А Ци удивлённо поднял голову, но не увидел скрытых чувств в глазах Ань Жун. Уголки его губ непроизвольно поднялись в улыбке.

— Нет... не болит.

Чжао Минлан почувствовал, что сегодня Ань Жун ведёт себя странно. Обычно холодный, как лёд, он сейчас сам заговорил со слугой, что было невероятно. Он кашлянул и сказал:

— Время уже позднее, пора идти.

— Хорошо.

Они накинули плащи и вышли из комнаты. А Ци с тоской смотрел, как фигура Ань Жун исчезает за углом, затем опустил голову и продолжил есть. В сердце было приятно, но, вспомнив, что Ань Жун сказал, что он недостойн, вкус еды постепенно стал безвкусным...

Господин Шэнь жил в гостевой комнате на юго-востоке. Рядом находились две комнаты, где жили его слуги, мать и сестра. Только что поужинав, Шэнь Пэйлинь взял книгу, которую всегда носил с собой, и при свете свечи внимательно читал, полностью погрузившись в текст. Он был настолько увлечён, что не заметил, как в комнате раздался стук в дверь. Только тогда он понял, что за дверью кто-то стоит. В душе он ругал себя за невнимательность, не заметив, что кто-то подошёл, и одновременно восхищался мастерством посетителя. Обычный человек не смог бы так тихо подойти, если только это не мастер боевых искусств.

Он положил книгу, поправил слегка помятую одежду и пошёл открывать дверь. Со скрипом дверь открылась, и перед ним стояли два богато одетых человека. Особенно выделялся один из них, с ледяным выражением лица, но невероятно красивый, не уступающий женщине. Рядом с ним был другой, с густыми бровями и пронзительным взглядом, тоже красавец, но по сравнению с первым выглядел менее ярко.

Шэнь Пэйлинь, взглянув на посетителей, с удивлением спросил:

— Вы...

Чжао Минлан с улыбкой поклонился и уверенно представился:

— Я — Чжао Минлан, а это мой друг Ань Жун. Мы слышали, что вы тоже находитесь в Храме Таожань, и решили навестить.

Шэнь Пэйлинь с вежливой улыбкой на лице, но в душе подумал, что эти двое явно пришли с определённой целью.

— Прошу, заходите.

Ань Жун, войдя, быстро осмотрел комнату. Обстановка была почти такой же, как и у них. На кровати лежал небольшой мешок с несколькими вещами, на столе стояла чашка остывшего

чая, рядом лежала книга — «Собрание стратегий управления государством». Видно, что господин Шэнь заботился о государстве и не проявлял высокомерия, свойственного молодым аристократам. Ань Жун понял, с кем имеет дело, и начать разговор стало проще.

— Книги, которые вы читаете, господин Шэнь, очень похожи на мои интересы.

Шэнь Пэйлинь, следуя взгляду Ань Жун, понял, что тот имеет в виду только что прочитанную книгу.

— О? Господин Ань тоже интересуется государственными делами? Может, расскажете?

Ань Жун улыбнулся, налил несколько капель холодного чая на стол и, обмакнув палец, медленно нарисовал иероглиф — «Лян». Затем он посмотрел на Шэнь Пэйлиня, сохраняя загадочное выражение.

Не зная, друг перед ним или враг, Шэнь Пэйлинь не решился сразу поддержать разговор. В душе он всё понимал, но на словах сделал вид, что не понимает, и смущённо сказал:

— Господин Ань, что вы имеете в виду? Простите мою глупость, но, пожалуйста, объясните прямо.

Чжао Минлан, не выдержав, подошёл, стёр воду со стола и, глядя прямо в глаза Шэнь Пэйлиню, произнёс три слова:

— Лян Хуайши.

<http://bllate.org/book/16237/1459367>